

УДК 811.161.1-112

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА
ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В ДОКУМЕНТАХ XVIII – XIX ВВ.
КАНЦЕЛЯРИЙ ВОЙСКА ДОНСКОГО**

О.А. Горбань

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, 400062, Россия

Аннотация

В статье рассматривается употребление глаголов движения в документах архивного фонда «Михайловский станичный атаман» Государственного архива Волгоградской области. Цель – выявить динамику функционирования указанных языковых единиц в данных деловых текстах. Материал разбирается с использованием описательного и сопоставительного методов, компонентного и контекстуального анализа. Автор сравнивает документы середины XVIII в. и конца XVIII – первой половины XIX в., рассматривая представленность лексических единиц в текстах разного времени, их употребление в прямых и переносных значениях, в составе устойчивых глагольно-именных сочетаний, а также сопоставляет их с высочайшими указами того же времени. В итоге делается вывод о том, что функционально-семантические свойства глаголов движения носят динамический характер, который проявляется в варьировании значения и частотности лексем в документах одного периода, в нарастающей со временем тенденции к употреблению лексем, обобщённо называющих перемещение без уточнения его среды, способа, средства, интенсивности, к более активному использованию слов в переносных отвлечённых значениях, и это отражает общий процесс формирования единого официально-делового стиля русского литературного языка.

Ключевые слова: русский язык, лексика, глагол, глаголы движения, текст, история делового языка, документ, Войско Донское

Вводные замечания

Интерес к языку XVIII – начала XIX в. обусловлен значимостью данного исторического периода как времени формирования национального русского литературного языка на основе различных речевых традиций, которое характеризовалось наличием «наибольшего разнообразия форм», «особенно интенсивного проникновения в письменность множества “просторечных” образований» и т. д. [1, с. 156]. Литературному языку этого периода свойственны, с одной стороны, изменения, противоречия, нестабильность, а с другой – упорядочение лексического состава в процессе складывающейся общенациональной языковой нормы, формирование новых стилистических соотношений [2, с. 44–45].

Многие языковые процессы, связанные с петровскими реформами, проходили «апробацию» в деловом языке документов центральной власти. Однако при этом не меньший интерес для исследователя представляет деловая письменность, создаваемая на местах, которая постепенно преобразовывалась по новым

требованиям, дольше сохраняя, наряду с новыми, старые формы, сочетая традиции и новации деловой речи, общерусские и региональные языковые черты. Изучение деловых письменных памятников разного времени в пределах выделенного исторического периода позволит выявить динамику их речевой составляющей.

Любой текст в качестве речевого произведения представляет собой многомерный объект исследования, который может рассматриваться как целостное образование в аспекте его содержания, текстовых категорий, выполнения им различных задач и др., а также как среда функционирования языковых единиц, в которой так или иначе реализуется потенциал языка. В данной статье акцент сделан на втором подходе, при котором рассматривается употребление слов одной лексико-семантической группы как части лексической системы русского языка XVIII – XIX вв., функционирующей в сфере официальных деловых отношений.

В центре нашего внимания находятся глаголы со значением перемещения в пространстве (формы причастий включаются нами в парадигму глагола), составляющие значительный пласт глагольной лексики русского языка и имеющие широкие семантические и функциональные возможности: они, как правило, многозначны, обладают разнообразными ассоциативными связями, в текстах, наряду с другими функциями, регулярно выполняют роль одного из ведущих средств выражения категории локальности.

Исследование проводится в рамках коллективного проекта на материале документов архивного фонда «Михайловский станичный атаман» Государственного архива Волгоградской области (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1), который включает 158 единиц хранения (дел), содержащих документы 1734–1836 гг., созданные в войсковой и станичной канцеляриях Войска Донского и некоторых других ведомствах.

Анализ материала предполагает выявление лексических единиц в текстах, характера их значений (прямых и переносных, с учётом двух типов семантических изменений в смысловой структуре производящего слова – семантической модуляции и семантической деривации [3–5; 6, с. 21–24, 72–179]), динамики их употребления в текстах разного времени.

Глаголы движения-перемещения: частотность и условия употребления

Глаголы движения-перемещения образуют многочисленную лексико-семантическую группу (далее – ЛСГ) и объединены общим компонентом значения – категориально-лексической семой (далее – КС) ‘перемещение в пространстве’, которая конкретизируется интегральными и дифференциальными семами, уточняющими среду, средство, способ, интенсивность, направление перемещения и др.

В источниках середины XVIII в. отмечены глаголы *ехать*, *ездить*, *бежать*, *вести* (диал. *весть*) и их приставочные производные, а также приставочные производные от глаголов *слать*, *везти* (диал. *везть*), *идти*, *нести* (диал. *несть*), *знать* (формы причастий мы включаем в парадигму глагола). Слова характеризуются разной частотностью и представлены в текстах неравномерно, что обусловлено содержанием каждого конкретного документа; сочетаются с предложно-

падежными формами, выражающими исходный или конечный пункт движения; употребляются преимущественно в значениях, реализующих КС 'перемещение в пространстве'.

Наиболее частотными являются *послать* и другие префиксальные производные от глагола *слать*: в источниках говорится о получении и рассылке документов по Войску Донскому, об отправке каких-либо лиц с поручениями в различные пункты, в том числе для доставки документов. Например: ...а к намъ о томъ куды оныя [беглые] **высланы** будутъ и кто они таковыя и откул(ь) и чьи з(осу)д(а)ревы или боярския люди присылатъ ведомости безъ упущения¹ (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 2 об.); здесь обозначено движение как людей (*высланы*), так и документов (*присылатъ*).

Достаточно употребительными являются лексемы *ехать*, *ездить* и их производные, а также приставочные образования от *везти*. Они в прямых значениях выражают перемещение по твёрдой поверхности при помощи транспортных средств, но различаются дифференциальными семами (далее – ДС), уточняющими интегральную сему (далее – ИС) 'характер участников перемещения': *ехать* и *ездить* обозначают перемещение субъекта, *везти* – перемещение субъекта и объекта. Признаки 'одушевлённость' и 'неодушевлённость' объекта действия в смысловой структуре функционирующих глагольных словоформ могут варьироваться, но данное изменение не затрагивает КС 'перемещение в пространстве' и квалифицируется нами как семантическая модуляция. Активное использование этих слов обусловлено содержанием документов, сообщающих о передвижении на большое расстояние в пределах Войска Донского или всего государства, которое осуществлялось на повозках либо (особенно у казаков) верхом: и по наряде оным козакам приказат **ехать** на означенные почты в непродолжительном времени (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 5 об.); **ездели** мы покорнейше в Воронеж в следственную камиссию к магору Бутурлину (Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 6).

Приставки в структуре производных глаголов от *ехать* реализуют пространственные значения, выражая признаки удаления от пространственного объекта, из его пределов (*от-*, *вы-*, *у-*, *с-*), приближения к нему, достижения предела (*при-*), движения через объект, сквозь его пределы (*про-*), например: сего же июля 22(о) числа из Михайлова **выехали** [мы] и в показанное село Алабуховъ **приехали** (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 6 об.); **сьехалъ** онъ по бедности ихъ вашей же Михайловской станицы с казакомъ Аксеномъ Лащилинымъ в город Черкасской (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 2) и др.

Приставка *по-* реализует непространственное значение начинательности, например: откул(ь) [из Воронежа] старшина Григорей Мартиновъ по известию с Воронежа **поехал** в Хамовской уездъ (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 6), начало направленного перемещения подчёркивается указанием, кроме конечного, на исходный пункт движения.

¹ Здесь и далее при цитировании источников имена собственные даются с прописной буквы, выносные буквы приводятся в строке, титла раскрываются, вышедшие из употребления буквы передаются соответствующими буквами современного алфавита, союзы и предлоги пишутся раздельно с последующими словоформами; в остальных случаях сохраняется орфография оригинала.

От глагола *ездить* отмечено образование *съездить*: *того ради надлежитъ тебе и с приложенными при сем грамотами понизовныя станицы съездить* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 4). Приставка *с-* реализует здесь аспектуальное значение однократности действия [7, т. 1, с. 371, 599], хотя Словарь Академии Российской определяет значение глагола как ‘едучи, побывать где не надолго’ (САР, т. 6, стб. 989), подчёркивая недлительность действия; в любом случае речь идёт о выражении того или иного способа глагольного действия.

Образованные от глагола *везти* лексемы *привезти, довести, отвезти, вывезти, увезти, провезти, превезти* сохраняют категориальную семантику производящего; приставки в их структуре маркируют признаки направленности движения к конечному пункту: *о том бы привезли б с собою к нам в Черкасской скаски* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 3 об.); от исходного пункта, из его пределов: *посланы от нас... в Казловъ для отвозу вывезенного с Кубани ис полону города Казлова аднадворческаго сына акима Никитина* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 3) и др.

Глагол *бежать* в прямом значении обозначает быстрое передвижение по твёрдой поверхности с помощью ног. В рассмотренных источниках он встречается в значении ‘тайно уйти, скрыться’, в котором признак скорости перемещения нерелевантен; это в основном документы о розыске и поимке беглых людей, чем и объясняется употребление здесь данного слова и его производных. Например: [Василий Мазурин] *сего де генваря 112(о) дня в ночи из оногo полку бежал* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 2). Из производных глаголов отмечены *убежать*, конфиксальное образование *разбежаться* ‘бежать, уйти, убежать в разные места, стороны’ (САР, т. 1, стб. 427), которое, однако, встречается без элемента *-ся (-сь)*: *дабы вы станищные атаманы и козаки, разбежавших Рясского уезду людей и крестьянь, и протчих безпашпортных бродягъ, всеми образы и меры присматривая ловили* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 3 об.); это может объясняться особенностями разговорной речи, где нередко наблюдается ошибочное употребление действительных причастий от глаголов на *-ся* (в наших текстах этот глагол употребляется именно в форме причастия).

Глагол *вести* (диал. *весть*) выражает совместное перемещение субъекта и объекта по твёрдой поверхности пешком и встречается в контексте: *того ради от Черкаского по донским и хоперским казачьим городкамъ до Михайлова станищным атаманом и казакам принимая оногo колодника вестъ при промемориши н(а)шеи под крепкимъ карауломъ* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1). Характер объекта (*колодник*) и уточнитель образа действия (*под крепкимъ карауломъ*) свидетельствуют о принудительном перемещении; другие признаки эксплицитно не выражены, а пространственные уточнители говорят о передвижении на большое расстояние. В связи с этим и с учётом орфографии документов, допускающей отражение оглушения звонких согласных, можно предположить также, что здесь употреблён глагол *везть* (*везти*); контекст не препятствует такому прочтению.

Приставочные глаголы *свести* ‘увести’ (САР, т. 1, стб. 565), *отвести, увести* обозначают движение, направленное на удаление, например: *и по прошествии трех летъ свела мать ево Селивана в показанную Луковскую станицу* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 5 об.); *привести* – действие, направленное

на приближение, например: ...**приведень** имъ Башькиным к вамъ в войсковой дом (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 3).

Бесприставочный производящий глагол *идти* ‘перемещаться по твёрдой поверхности, ступая ногами’ в рассмотренных документах середины XVIII в. не отмечен. Префиксальные образования *прийти*, *зайти*, *сойти*, *перейти* сохраняют КС ‘перемещение в пространстве’; приставки в структуре производных маркируют пространственные признаки направленности движения на приближение (достижение предела, направление глубоко в пределы), удаление, перемещение из одного пространства в другое, например: *вам атаману Каганину и казакам ответствоват(ь) к нам писмовно скол(ь) давно у вас станице означенные именами Смишкины живутъ и откул(ь) **пришли** и скасками о приходе из на Дон в розыски свидетелствованы л(ь)* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 3 об.); *и по той бескормицы почтовые лошади на хлеба казачьи **заходятъ** а хозяева ловятъ* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 3); *якобы ево... крестьяне живут в вашей станице а **сошли** после указного времени 710г(о) году* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 3), где глагол *сойти* означает ‘оставить, покинуть какое-либо место’ (САР, т. 3, стб. 275).

От глагола *гнать* в региональных документах отмечены приставочные образования *пригнать/пригонять*, *угнать*, например: *а заготовлять оные леса и в Черкасской пригонять от самых васъ станицъ своими людьми* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 16). В смысловой структуре глагола в данном контексте нейтрализуются семы ‘перемещение с помощью ног’, ‘по твёрдой поверхности’, ‘быстрое’ (глагол выражает значение ‘сплавлять по реке’), но КС ‘перемещение в пространстве’ сохраняется, и семантическое изменение носит модуляционный характер.

Глаголы движения, обозначающие перемещение в пространстве, употребительны в текстах региональных документов, в которых сообщается о конкретных событиях, связанных с повседневной жизнью казаков.

В документах конца XVIII – первой половины XIX в. отмечается употребление рассмотренных глаголов движения, а также приставочных *прийти*, *подойти*, *увезти*, *принести*, *препроводить* и др., например: *козачья женка Василиса Петрова дочь Аверина **пришед** къ его лавки **преносила** жалобу станицы нашей* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 7); *получена... грамота... о рассмотрении у **приходящихъ** людяхъ паишпортовъ* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 44); *сие **препровождая** к вамъ точную копию предписываетъ чинить по оной точное исполнение* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 44), где *препровождать* означает ‘посылать, пересылать’ (САР, т. 1, стб. 556) и др.

Здесь, помимо названных, активно используются лексемы *доставить*, *поставлять*, *отправить(ся)*, *податься*, *прибыть*, *возвратиться*, *явиться* и под., в семантике которых среда, средство, способ, интенсивность перемещения не конкретизируются, но актуальны пространственные признаки направления движения или аспектуальные характеристики (начинательность, завершённость и т. д.), выражаемые префиксами (*до-*, *от-*, *при-*, *по-*) либо основой (*возвратиться*, *явиться*). Например: *и **пришед** онои депутат Куропов **явился** на войсковом дворе началнику г(оспо)дину войсковому есаулу Степану Осиповичу Лащилину* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 4), глагол *явиться* означает ‘появиться где-

либо в результате перемещения', что подчёркивается в данном контексте формой *пришед*; *было вам стыжено дабы вы станицъ ваших казакам состоящим на почтах провиянтъ следующей на другую половину года доставили в настоящее время собственно на станичных на подводах* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 3), в данном контексте при отсутствии в семантике глагола *доставить* указания на средство перемещения оно конкретизируется уточнителем действия *на подводах*. В следующем контексте из следственного документа употребление глаголов движения обусловлено необходимостью констатировать последовательность действий как таковых (повторное прибытие, отправление, прибытие) без конкретизации среды, способа, средства перемещения, но с точным указанием места назначения: *отецъ ево... возвратяся на линию и уведомя о смерти дяди своего долгомъ щель... отправится на Донъ къ получению долееваго наследства, но прибывъ туда сверхъ чаяния нашолъ оныя в рукахъ двоюроднаго дяди Савла Миронова* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 43).

Сопоставление войсковых документов и документов, исходящих от центральной власти, показало, что уже в середине XVIII в. в центральных документах часто наблюдается обозначение передвижения без указания на его способ, средство и т. д. (глаголы *отбыть*, *выбыть*, *отправить* и под. активно использовались в высочайших указах), тогда как в региональных источниках более употребительны глаголы конкретного способа перемещения; кроме того, для высочайших указов характерна замена выразительных глаголов конкретной семантики глагольно-именными сочетаниями с производными от глаголов движения именами *чинить набеги*, *проездъ*, *вывозъ* и под. [8]. Как видим, тенденция к обобщённому выражению перемещения прослеживается в местных документах конца XVIII – первой половины XIX в. Можно отметить и такую особенность поздних региональных документов, как употребление глагола *прийти* в книжной архаичной форме деепричастия (исторически – причастия) *пришедъ*. Указанные факты свидетельствуют о формировании единого официального языка, носящего книжный характер.

Изменения в семантической структуре глаголов движения-перемещения

В смысловой структуре глаголов движения возможны семантические изменения, которые можно охарактеризовать в русле подходов Казанской лингвистической школы как семантическую деривацию (см. [9–11]). В свете положения С.П. Лопушанской о двух типах семантических изменений в смысловой структуре функционирующей словоформы (подробнее см. [3, 4]) в качестве критерия разграничения этих типов принимается сохранение или несохранение категориально-лексической семы. Семантическая деривация приводит к появлению новой категориально-лексической семы, слова при этом переходят в другие лексико-семантические группы.

Источники середины XVIII в. фиксируют такие случаи употребления глаголов движения в переносных значениях деривационного характера: *донести* 'сообщить' (КС 'речевая деятельность'), *прийти* 'достичь определённого состояния' (КС 'качественное состояние'), *пройти* 'минуть (о времени)', *минуть* 'пройти (о времени)', *вступить* (в должность) 'стать (кем-либо по должности)'

(КС ‘бытие’), *отвести* ‘предназначить, предоставить кому-либо что-либо в пользование’ (КС ‘владение’) и др. Например: *репортом къ вашему высокоблагородию и всему войску донскому донесено* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 25); *от частой гонбы и за бескормицаю такъ у казаковъ лошади измучены что уже до того **пришло** что и поестъ едва л остановитца не могутъ* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 3 об.); *в которую должность и **вступитъ** ему с приходящего Мишаиловского Божоевленского ярмонка* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 5) и др.

Документные тексты конца XVIII – первой половины XIX в. демонстрируют более активное употребление глаголов перемещения в переносных значениях, нежели ранние источники. Здесь отмечены, кроме названных выше, также глаголы *найти* ‘обнаружить, узнать’, *находить* ‘считать, полагать’ (КС ‘интеллектуальная деятельность’), *приступить* (к) ‘начать’ (КС ‘бытие’), *войти* ‘перейти во владение’ (КС ‘владение’), *допустить* ‘разрешить’ (КС ‘социальные отношения’) и др. Например: *причем оная коллегия **доноситъ** что от ея ради повсеместного объявления и для надлежащего исполнения сообщено...* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 9 об.); *часть имения состоящего под судомъ в Саратове Максима за заплаченные за него Максима долги **вошло** во владение оному жъ Захару* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 42 об.); ***допустить** ево Дмитрия к наследству толко третьей части* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 43 об.) и др.

Многие переносные значения глаголов движения являются древними по происхождению и возникли в истории языка как результат расширения семантики лексем (о семантическом расширении и сужении в диахронии см. [12, с. 75–108; 13, с. 9–54; 14]). Наши исследования древнерусских глаголов показали, что расширение происходило часто за счёт увеличения круга предметов, явлений, с которыми ассоциативно мог связываться обозначаемый глаголами процесс, таким образом способствуя переосмыслению реального пространства в пространство социальное, ментальное и т. д., что реализовалось в перегруппировке семантических признаков в смысловой структуре слов, изменении их иерархии и появлении новой категориально-лексической семы (её роль мог на себя брать один из дифференциальных признаков) [15, с. 190–272].

Формирование устойчивых сочетаний с глаголами движения-перемещения как опорными компонентами

Семантические изменения глаголов движения могли способствовать и формированию устойчивых глагольно-именных сочетаний с ними как опорными компонентами.

В документах середины XVIII в. отмечены такие сочетания с глаголами *производить*, *привести*, *нести*, *понести*, *принести*.

Глагол *производить* (сов. *произвести*) в прямом значении ‘делать, творить’ (САР, т. 1, стб. 557) синонимичен глаголу *чинить*. Исторически он является производным от глагола *водити*, который уже в древнерусском языке мог обозначать ‘проводить (воду)’, то есть ‘создавать русло для воды’ (ДС ‘создание объекта’, КС ‘созидательная деятельность’); данные семантические признаки маркировались приставкой *из-*, затем добавлением *про-*; глагол *производити* стал обозначать создание любого объекта, а также осуществление любого действия,

и это значение теперь отмечается у него как прямое. В отличие от глагола *чинить*, его сочетаемость с существительными имеет ограниченный характер: имена обозначают действия, связанные с судебной, следственной деятельностью, в связи с чем составители Словаря Академии Российской выделяют у данного глагола специальное значение 'изыскиваю, разбираю дело, происшествие' с пометой «В приказном слог» (САР, т. 1, стб. 557). В документах середины XVIII в. из архивного фонда «Михайловский станичный атаман» отмечены выражения *производить/произвести следствие, дело*, например: *велено мне... производит следствие х которому я на сих днях из ыловловлинско' станицы и отеду* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 7–7 об.).

Большинство глаголов движения выступают как опорные, реализуя свои переносные значения в устойчивых сочетаниях *привести къ присяге, понести труды* 'потрудиться' и др.

Так, глагол *нести* в прямом значении выражает перемещение конкретного субъекта и объекта с помощью ног по твёрдой поверхности и др. В семантической структуре глагола можно выделить также потенциальную сему 'перемещение с трудом', которая может актуализироваться при актуализации признака 'тяжёлый объект' (ср. определение значения слова в Словаре Академии Российской: *Возложя на себя или держа в руках, влеку, тащу тяжестъ, бремя*² (САР, т. 4, стб. 484)), а далее переосмысливаться как 'испытание трудностей' уже в качестве доминирующей (при нейтрализации всех названных выше сем, в том числе и категориально-лексической). Глагол образует устойчивые сочетания *нести труды, нести беспокойства, нести утруждения*, обозначая состояние субъекта, при этом характер состояния конкретизируется именем существительным.

Производный глагол *принести* (несов. *приносить*) в прямом значении сохраняет КС и ДС производящего, а также содержит сему 'достижение пространственного предела'; пространственный предел (конечный пункт) может представляться как предмет или лицо. При нейтрализации категориально-лексической и реализующих её дифференциальных сем в смысловой структуре глагола сохраняется компонент 'действие', а сема 'достижение пространственного предела' переосмысливается как 'обращение к какому-либо лицу'; характер действия уточняется существительным в позиции прямого объекта. Так, действие, обозначаемое устойчивым сочетанием *принести/приносить извинения*, предполагает наличие адресата, который в контексте может не эксплицироваться. Например: *они презря высочайшие ея императорскаго величества указы и в силе оных подтвердителные воисковые наши грамоты продали малоросиянам и променяли на хлеб той маноцкои соли немалое число пудов в чемъ они извинение принесли* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 14).

Таким образом, опорный глагол в составе устойчивых сочетаний содержит в своей семантике минимальный набор дифференциальных признаков, выражая, как правило, самые общие семы 'действие', 'деятельность', 'состояние', 'отношение'. Характеристики обозначаемого процесса уточняются семантикой отглагольного имени, имеющей также процессуальный характер.

² Выделено нами. – О.Г.

Употребление глагольно-именных сочетаний свойственно и более поздним документам, они, как отмечал В.В. Виноградов, усиленно развивались с середины XVIII в. [16, с. 450]. Это было вызвано стремлением к уменьшению экспрессивности документных текстов: «было очень существенно стереть или затушевать оттенок индивидуализирующей, нередко фамильярной, конкретно-бытовой изобразительности и выразительности действия, присущий простой форме того или иного глагола» [16, с. 450], чему способствовала утрата глагольным компонентом конкретной семантики и перенесение смысловой нагрузки на имя. Некоторые устойчивые сочетания (например, *привести/приводить к присяге*) приобретали терминологический характер. Названные процессы ярко проявлялись в правительственных документах, например: *...Шведский Министръ Дитмаръ приноситъ жалобы о чинимыхъ на границахъ Шведскимъ подданнымъ обидахъ; а понеже де такая жалоба Ея Императорскому Величеству не инако, какъ весьма неприятны быть имеютъ...* (ПСЗРИ, т. 10, с. 7) и мн. др. Проникали они и в региональные тексты.

Выводы

Как показал анализ материала, глаголы перемещения являются широко употребительными в текстах региональных документов XVIII – XIX вв. В их функционировании можно видеть определённую динамику, которая проявляется как в синхронии, так и в диахронии.

В плане синхронии наблюдается изменение частотности глаголов движения в зависимости от содержания текста (например, их активность в документах, описывающих повседневную жизнь казаков, присутствие производных от глагола *слать* в документах, сообщающих об отправке куда-либо людей или документов, глагола *бежать* – в документах о поимке беглых и т. д.); семантическое варьирование глаголов, обусловленное контекстом.

Сравнение документов разного времени позволяет сделать вывод о динамике функционирования глаголов движения в диахронии, которая заключается в тенденции к вытеснению глаголов конкретной лексической семантики языковыми единицами, передающими перемещение без уточнения его среды, способа, средства, в увеличении числа словоупотреблений глаголов в переносных значениях, которые расширяют текстовое пространство за счёт социальной, ментальной сфер. Названные изменения сближают тексты региональных и центральных документов и отражают общий процесс формирования в русском литературном языке единого официального стиля, носящего книжный характер.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области (проект № 16-14-34004).

Источники

ГАВО – Государственный архив Волгоградской области. Ф. 332. Оп. 1. Михайловский станичный атаман (1734–1837). 158 ед. хр.

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи: [С 1649 г. по 12 дек. 1825 г.]. – СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. 10: 1737–1739 [№ 7143–7996]. – 997 с.

САР – Словарь Академии Российской: в 6 т. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1789. – Т. 1: От А до Г. – 1140 стб.; 1792. – Т. 3: От З до М. – 1388 стб.; 1793. – Т. 4: От М до Р. – 1272 стб.; 1794. – Т. 6: От Т до конца. – 1064 стб.

Литература

1. *Марков В.М.* Проблемы грамматической лексикологии и русский литературный язык XVIII в. // Марков В.М. Избранные работы по русскому языку. – Казань: ДАС, 2001. – С. 156–163.
2. *Николаева Т.М.* Семантико-стилистические изменения в русском литературном языке к. XVIII – н. XIX в. (историко-культурологический аспект) // Языковая семантика и образ мира: Материалы Междунар. науч. конф. (г. Казань, 20–22 мая 2008 г.): в 2 ч. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – Ч. 1. – С. 44–47.
3. *Лопушанская С.П.* Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции // Русский глагол (в сопоставительном освещении). – Волгоград: Изд-во ВПИ, 1988. – С. 5–19.
4. *Лопушанская С.П.* Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. Филология. – 1996. – Вып. 1. – С. 6–13.
5. *Горбань О.А., Шептухина Е.М.* Лингвистические идеи профессора С.П. Лопушанской в контексте современной научной парадигмы // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2011. – Т. 153, кн. 6. – С. 7–15.
6. Семантика древнерусского глагола: синхронно-диахронический аспект. – М.: Флинта: Наука, 2015. – 352 с.
7. Русская грамматика: в 2 т. – М.: Наука, 1980. – Т. 1. – 783 с.; Т. 2. – 709 с.
8. *Горбань О.А.* Динамика реализации категории текстового пространства в региональных документах XVIII века // Науч. диалог. – 2016. – Вып. 12. – С. 74–87.
9. *Марков В.М.* О семантическом способе словообразования в русском языке. – Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 1981. – 29 с.
10. *Николаева Т.М.* Системный характер семантических изменений // Учен. зап. Казан. ун-та. – 1998. – Т. 135. – С. 103–110.
11. *Косова В.А.* Деривация и её место в языковой системе // Учен. зап. Казан. ун-та. – 1998. – Т. 135. – С. 171–175.
12. *Балалыкина Э.А.* Метаморфозы русского слова. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 264 с.
13. *Балалыкина Э.А.* Мир языка и языки мира: Избр. тр. по рус. яз. и балто-славян. отношениям. – Казань: Яз, 2012. – 319 с.
14. *Балалыкина Э.А.* Семантические законы и глагольная лексика // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. – 2013. – № 3. – С. 13–18.
15. *Горбань О.А.* Древнерусские глаголы движения в системе языка и в тексте. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. – 332 с.
16. *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв. – М.: Высш. шк., 1982. – 528 с.

Поступила в редакцию
21.06.17

Горбань Оксана Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии

Волгоградский государственный университет
пр-т Университетский, д. 100, г. Волгоград, 400062, Россия
E-mail: oa_gorban@volsu.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2017, vol. 159, no. 5, pp. 1120–1131

**The Functional Semantic Properties of Motion Verbs from the Documents
of Don Cossack Host Province Offices of the 18th – 19th Centuries**

O.A. Gorban

Volgograd State University, Volgograd, 400062 Russia

E-mail: oa_gorban@volsu.ru

Received June 21, 2017

Abstract

The study has been performed as part of the collective research project no. 16-14-34004 supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Volgograd region. The aim of the study is to reveal the functional semantic properties of motion verbs from the documents of “Mikhailovsky Stanitsa Ataman” Archive Fund (State Archive of Volgograd region, Russia), created in the military and the stanitsa offices of the Don Cossack Host Province in the middle of 18th – late 19th century, to reveal their dynamics in synchrony and diachrony; the tasks are to find out the representation of lexical units in the documents, as well as to describe their direct and figurative use, constant nominal combinations. The analysis is based on the comparison of the documents, which is intended to identify trends in their functioning. The methods of descriptive, comparative, component, and contextual analysis have been used.

It has been discovered that motion verbs were used in the middle of 18th century mainly in the meanings reflecting movement in space specified by environment, tools, manner, and intensity; they were also used in figurative meanings and as components of stable combinations. The late 18th – first half of 19th century is marked by a rising tendency to the use of motion verbs denoting moves indifferent in their manner, as well as to the more active use of words in figurative abstract meanings.

It has been concluded that the functional semantic properties of motion verbs are dynamic. In synchrony, they are manifested as semantic and frequency variations in the documents of the same period. In diachrony, they are changes in the proportion of reporting verb forms, reflecting the all-Russian process of common official language formation.

Keywords: Russian language, vocabulary, verb, verbs of motion, text, history of official language, document, Don Cossack Host

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Administration of Volgograd region (project no. 16-14-34004).

References

1. Markov V.M. Selected Works on Russian Language. *Problemy grammaticheskoi leksikologii i russkii literaturnyi yazyk XVIII v.* [Problems of Grammatical Lexicology and Russian Literary Language of 18th Century]. Kazan, DAS, 2001, pp. 156–163. (In Russian)
2. Nikolaeva T.M. Semantic and stylistic changes in the Russian literary language in the late 18th – early 19th century (historical and cultural aspect). *Yazykovaya semantika i obraz mira: Materialy Mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan', 20–22 maya 2008 g.)* [Language Semantics and World Image:

- Proc. Int. Sci. Conf. (Kazan, May 20–22, 2008)]. Part 1. Kazan, Izd. Kazan. Gos. Univ., 2008, pp. 44–47. (In Russian)
3. Lopushanskaya S.P. Russian Verb (In Comparison). *Izmenenie semanticheskoi struktury russkikh bespristavochnykh glagolov dvizheniya v protsesse modulyatsii* [Changes in the Semantic Structure of Russian Prefixless Motion Verbs]. Volgograd, Izd. VPI, 1988, pp. 5–19. (In Russian)
  4. Lopushanskaya S.P. Semantic modulation as a verbal and cogitative process. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Seriya 2: Filologiya*, 1996, no. 1, pp. 6–13. (In Russian)
  5. Gorban O.A., Sheptukhina E.M. The linguistic ideas of Professor S.P. Lopushanskaya in the light of the modern scientific paradigm. *Ucheye Zapiski Kazanskogo Universiteta, Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2011, vol. 153, no. 6, pp. 7–15. (In Russian)
  6. Semantics of Old Russian Verb: Synchronic and Diachronic Aspect. Moscow, Flinta, Nauka, 2015. 352 p. (In Russian)
  7. Russian Grammar. 2 Vols. Moscow, Nauka, 1980. 783 p., Vol. 1. 709 p., Vol. 2. (In Russian)
  8. Gorban O.A. Dynamics of realization of textual space category in regional documents of 18th century. *Nauchnyi Dialog*, 2016, no. 12 (60), pp. 74–87. (In Russian)
  9. Markov V.M. On Semantic Way of Word Formation in Russian Language. Izhevsk, Izd. Udmurt. Gos. Univ., 1981. 29 p. (In Russian)
  10. Nikolaeva T.M. Systemic character of semantic changes. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta*, 1998, vol. 135, pp. 103–110. (In Russian)
  11. Kosova V.A. Derivation and its place in the language system. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta*, 1998, vol. 135, pp. 171–175. (In Russian)
  12. Balalykina E.A. Metamorphoses of Russian Word. Moscow, Flinta, Nauka, 2012. 264 p. (In Russian)
  13. Balalykina E.A. Language World and World Languages of World: Selected Works on Russian Language and Baltic-Slavic Relations. Kazan, Yaz, 2012. 319 p. (In Russian)
  14. Balalykina E.A. Semantic laws and verbal vocabulary. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Seriya 2: Yazykoznanie*, 2013, no. 3, pp. 13–18. (In Russian)
  15. Gorban O.A. Old Russian Motion Verbs in the Language System and in the Text. Volgograd, Izd. VolGU, 2002. 332 p. (In Russian)
  16. Vinogradov V.V. Essays on Russian Literary Language History of the 17th – 19th Century. Moscow, Vyssh. Shk., 1982. 528p. (In Russian)

Для цитирования: Горбань О.А. Функционально-семантические свойства глаголов движения в документах XVIII – XIX вв. канцелярий Войска Донского // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 5. – С. 1120–1131.

For citation: Gorban O.A. The functional semantic properties of motion verbs from the documents of Don Cossack Host province offices of the 18th – 19th centuries. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 5, pp. 1120–1131. (In Russian)